

Сестрица Сяомэй продолжала:

— Мой старший дядя рано ушёл из жизни, и тетя одна с большим трудом вырастила Сяо Гуана. Его во всём баловали, вот и избаловали — всё мечтает стать звездой, а сам превратился в какого-то монстра. Ты не представляешь, каким красавцем он был раньше — самым симпатичным среди всех наших родственников. Но потом услышал, что на камеру лучше смотрятся лица с острыми чертами, и пошёл на операцию по уменьшению скул. Потом ему нос показался недостаточно высоким — исправил нос. Ещё и подбородок нарастил, и разрез глаз изменил, даже брови переделал. Теперь я его совсем не узнаю — одно сплошное ненастоящее лицо. А чтобы лучше смотреться на экране, так себя измучил голодом, что стал похож на наркомана! Ему уже тридцать, а он всё с кем попало болтается. Моя тетя каждый день ждёт, когда же он наконец остепенится, женится, детей заведёт — слёз пролила уже не счесть!

Ци Мо не знал, что ответить, и промолчал. Подумал, что Сяо Гуану совсем не дашь тридцать — выглядит максимум на двадцать пять. Да и ориентация его, наверное, семье неизвестна, хотя, судя по виду Сестрицы Сяомэй, она в курсе. Хотя, может, Сяо Гуан и не гей — раньше Сяо Ми говорила, что многие натуралы ради карьеры готовы на уступки мужчинам-инвесторам или режиссёрам.

Они ещё немного поговорили о сценарии, который писал Ци Мо. После двух звонков на телефон Сестрицы Сяомэй они попрощались и разошлись.

После обеда Ци Мо снова повёл детей в океанариум. Хотя они уже были там, дети всё равно пришли в восторг, заново обошли все аквариумы и наделали кучу фотографий, после чего вернулись с Ци Мо в отель.

Ци Мо упаковал вещи и перевёл зарплату Сяо Дай — та была хорошей девушкой, доброй и ответственной, к тому же отлично рукодельничала. На телевизионной тумбе стояли поделки, которые они сделали втроём, но, к сожалению, взять их с собой было нельзя — чемодан и так ломился. Пришлось каждую сфотографировать на память.

Все рыбки погибли, осталась лишь одна маленькая черепашка. Сестрица Сяомэй позвонила и настояла, чтобы отвезти их в аэропорт, а заодно предложила забрать несчастную черепашку — её сын тоже таких любит.

Только позавтракали — а Сестрица Сяомэй уже тут как тут. Помогла взять детей за руки, Ци Мо повёз чемоданы. Всего три больших чемодана плюс рюкзак, у детей за спиной — их собственные маленькие рюкзачки. В холле сдали номер, служащий помог погрузить багаж в машину. Жаль, в багажник влезло только два чемодана, один, поменьше, пришлось положить на переднее сиденье. Ци Мо уселся с детьми сзади.

В аэропорту Сестрица Сяомэй улыбнулась:

— Мо Мо, дай обнять!

Ци Мо с улыбкой обнял её. Сестрица Сяомэй ему очень помогла, и он был ей искренне

благодарен.

Потом она обняла Юцзы и Манго, расцеловала их в щёчки, оставив следы помады. Юцзы недовольно вытер лицо, а Сестрица Сяомэй, рассмеявшись, помахала им на прощание.

Ци Мо сдал багаж, получил посадочные талоны, обернулся — а за ним стоит Ци Юньсюань. Увидев его, Ци Мо инстинктивно захотелось бежать, но он тут же одёрнул себя: «Чего я боюсь? Он же не станет меня здесь насиловать!»

Ци Юньсюань подошёл, с мрачным лицом схватил его за руку. Ци Мо дёрнулся, понизив голос:

— Что тебе нужно?

— Тебя!

— Ты с ума сошёл? Что за бред? — Ци Мо быстро огляделся. Хорошо, никто не смотрит, только Юцзы и Манго уставились на них.

— Да, сошёл. Почему уезжаешь? — Глаза Ци Юньсюаня покраснели, вид был пугающий. Ци Мо не решался на него смотреть, опустив голову.

Не дождавшись ответа, Ци Юньсюань снова спросил:

— К матери детей?

Я просто хочу от вас сбежать! — но Ци Мо не мог этого сказать, поэтому ответил:

— Я ещё не закончил учёбу. Каникулы скоро кончатся, надо вернуться в университет на регистрацию.

Ци Юньсюань нахмурился:

— На какую регистрацию? На брак?

Ци Мо едва не потерял дар речи, но через паузу выдавил:

— Что ты несёшь? Регистрация на новый семестр.

Услышав это, Ци Юньсюань перестал приставать, но не отводил взгляда. Спустя некоторое время он произнёс:

— Мне всё равно, женишься ты или нет. Как вернёшься в Германию — разводишься. Даю тебе год. Закончишь учёбу — возвращайся.

— Дядя, не ругай моего папу, — Манго поднял личико, глаза уже на мокром месте. Он не всё понимал из взрослых разговоров, но, видя, как зол Ци Юньсюань, явно испугался.

Этот человек вечно хватается за руку. Ци Мо вырвался, с жалостью подхватил Манго, вытирая ему слёзы.

Юцзы же был куда спокойнее и заявил тоненьким голоском:

— Дядя, я позову полицию!

Ци Юньсюань, не удостоив Юцзы внимания, продолжал смотреть на Ци Мо. Тот, боясь, что тот может сказать или сделать что-то, что напугает детей, умоляюще проговорил:

— Не будь таким деспотичным. Я знаю, ты ненавидишь меня за то, что моя мать отняла у тебя отца, но разве того, что ты со мной сделал, недостаточно для расплаты?

Ци Юньсюань рассмеялся:

— Я тебя ненавижу?

Встретив умоляющий взгляд Ци Мо, он подумал и снова злобно выговорил:

— Раз уж хочешь расплатиться, тогда побыстрее заканчивай учёбу и возвращайся ко мне. — С этими словами он глубоко посмотрел на Ци Мо и ушёл.

Ци Мо с облегчением выдохнул. Он был на грани паники, боясь, что не уедет, но Ци Юньсюань, всего лишь пригрозив, просто ушёл.

Ци Мо с детьми прошёл досмотр, затем очередь на паспортный контроль. Сотрудники, увидев, что он с двумя малышами, направили их в свободную очередь, проверили документы и пропустили.

Так как посадочные талоны получили поздно, места у Ци Мо с детьми оказались не рядом. Он попросил стюардессу помочь поменяться, и их пересадили в первый ряд у иллюминатора.

Самолёт пошёл на взлёт. Ци Мо смотрел в маленькое окно на город и подумал: «Прощай, Имперская столица!»

Всю дорогу китайские стюардессы подходили поиграть с детьми. За двадцать с лишним дней в Имперской столице дети сильно подтянули китайский — говорили ещё мало, но понимали куда лучше прежнего.

Дети вели себя прекрасно — не шумели, не капризничали. Посмотрели немного мультиков и проспали весь полёт до Мюнхена.

Пройдя таможню, забрав багаж и выйдя из аэропорта, Ци Мо почувствовал холод. Он быстро открыл чемодан, достал куртки детям и себе. Разница в температуре между Имперской столицей и Мюнхеном была градусов в десять.

С таким количеством багажа и двумя детьми ехать на метро было бы слишком хлопотно, поэтому Ци Мо вызвал такси на семь мест. Вскоре подъехало бежевое такси «Мерседес». Водитель-турок открыл багажник и помог погрузить чемоданы.

Машин на дорогах было мало, и они быстро добрались до съёмного жилья. Выйдя, водитель помог выгрузить багаж. Ци Мо поблагодарил, расплатился и дал чаевые. Водитель поблагодарил в ответ и уехал.

Ци Мо ключом открыл калитку во двор, по одному перетащил чемоданы к двери, открыл дом. Джоди и Виолетты ещё не было. Мать Джоди всё ещё держалась в больнице. За это время она позвонила Ци Мо всего один раз, и голос её звучал очень подавленно. Видимо, неприятностей у неё хватало.

Разбирая вещи, Ци Мо неожиданно обнаружил в детских рюкзаках два красных конверта, в каждом по 2 000 юаней. Он предположил, что это от Сестрицы Сяомэй, и сразу же написал ей:

[Спасибо за красные конверты детям. Мне очень неловко, что я, будучи в Имперской столице, не дал красный конверт вашему малышу.]

Отправив сообщение, Ци Мо продолжил уборку. Ответ от Сестрицы Сяомэй пришёл уже после обеда:

[Ты дал мне слишком большую комиссию. В следующий раз давай делить два к восьми.]

Это было на неё похоже — в денежных вопросах она всё проясняла заранее, чтобы потом не было споров.

За эту поездку в Имперскую столицу, помимо авторских отчислений за роман, за два месяца работы над сценарием Ци Мо заработал примерно 50 000 до вычета налогов. Но и расходы были немалые — аренда апартаментов, оплата няни, комиссия Сестрице Сяомэй. Ци Мо подумал, что в будущем, если получит заказ на сценарий, лучше написать и сразу продать. Так и доход будет, и в Китай возвращаться не придётся. Ему очень хотелось развиваться как сценаристу — раньше он писал романы просто чтобы содержать семью, а в этой поездке он понял, как интересно смотреть, как актёры играют твой текст.

<http://bllate.org/book/15113/1334963>